

Мученица

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Полонская

Мученица

«Автор»

2026

Полонская М.

Мученица / М. Полонская — «Автор», 2026

Поколения женщин растут в страхе: каждые четыре года неуловимая террористическая группировка убивает 24-х молодых девушек. Ни улики. Ни свидетелей. Только место преступления, напоминающее логово хищника, где истерзанные обкусанные трупы истекают кровью по углам здания. При этом мгновенная смерть от клыка считается манной небесной в наземном аду. Всем известно: самая страшная казнь в теракте «Двадцати четырёх» отведена последней жертве. За пытки, перенесенные на смертном одре, скорбящий мир нарекает её Мученицей. Студентка Марина изучает журналистику на третьем курсе московского университета. Тайное зло, именуемое «Двадцать четыре», нападает на факультет, и девушка лицом к лицу сталкивается с убийцами... Вернее, с убийцей. Женским карателем оказывается монстр с восемью щупальцами по имени Дарен. Он не только избирает Марину Мученицей, но и пытается соблазнить её.

© Полонская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мария Полонская

Мученица

Пролог

Школьники наводнили коридор. Бурные потоки их хлестали двери, ведущие с лестничного марша на второй этаж, и просачивались туго, как трюмная течь. Здесь не было окон, за освещение по сей день отвечали старинные лампы накаливания, а полумрак лишь усиливал хаос. Оглушительная и беспрекословная команда из динамиков пропихивала возбужденные массы вглубь здания: «Немедленно явиться всем классам», — звенел механический бесстрастный голос завуча над лохматыми головами, пока те, как телефоны на ИК-порте, склонялись друг к другу, чтобы передать домыслы и слухи о внезапном собрании.

В своей кипучей жажде раскрыть тайну подростки не замечали учеников младших классов, топающих гуськом в длинных ногах. А ведь это были настоящие комочки страха, маленькие шаровые молнии, готовые взорваться, едва ли ещё один сандалик крякнет под лапой выпускника.

8-летняя Марина замыкала длинную цепочку перепуганных малышей. Смахивая ладошкой выбившиеся из колоска каштановые пряди, она пыталась читать разговоры по губам старшеклассников. Они и в обычные дни казались ей не менее знающими, чем преподаватели, но здесь и сейчас, на фоне многозначительно молчащих взрослых, болтливые подростки выглядели единственно осведомленными.

Десятиклассница с выбеленными волосами и тёмными графичными бровями, напоминающими топорики, обратила внимание на низкорослую наблюдательницу только после того, как в пылу разговора хлопнула её по виску.

— А ты чего уставилась? Взрослых подслушиваешь. Скройся, мелочь! — демонстративно встряхнув длинными распущенными волосами, девушка отвернулась.

В болезненно субтильной фигурке Марины не было места обиде, она лишь мимолетно восхитилась длиной волос школьницы — аж до поясницы — и, задержав дыхание, нырнула обратно в ребячий строй.

Чудесным образом преподавателям удалось расположить школьников полукругом. И когда топот сменной обуви по паркетному полу наконец утих, заговорила директор.

— Здравствуйте, дети! — на этих словах в легких женщины кончился воздух, она замерла над микрофоном. В физкультурном зале воцарилась тишина, нарушали которую лишь шорох плиссированных юбок и сопение подростков, отрицающих шапки. — До нас дошли сведения о чудовищном нападении на Колледж искусств. Эта трагедия стала для жителей Москвы, да и для всей России общей бедой.

Директор снова сделала паузу. Седые ресницы её тотчас стали мокрыми, словно впервые с момента пробуждения она дала волю чувствам. Этой женщине была свойственна эмоциональность: она плакала под звон первосентябрьского колокольчика, на вручении дипломов и даже в Масленицу от гордости за каждый удавшийся детский блинчик. Все без исключения бегущие капли оставляли глубокий след на осунувшемся женском лице. Как итог, выхода на пенсию директору желали чаще, чем счастья, а ведь ей не было и 50-ти.

— Молодые девчонки, зелененькие совсем, только-только вот из школы ушли. Наших выпускниц там не было, слава Богу, но ведь... — губы педагога задрожали, — у этих девочек тоже есть родители! Не должны хранить матери своих детей, не должны! — эта часть речи явно была не запланирована, на протяжении всего выступления директор мяла в руке клетчатый листочек с текстом, но едва ли туда заглядывала. — Спустя четыре года это снова произо-

шло. Изуродованные. Бедненькие. Двадцать четыре девочки! — последние слова как булыжник прилетели в толпу, и купол молчания разбился вдребезги.

Вздохи, всхлипы, громкие обсуждения, теперь уже не переходящие в шепот, — в зале стоял такой гул, будто Марину запихнули в улей с обезумевшими пчелами. Она нервно перебирала в ладошках пуговицы на манжетах белой вязкой блузы и мечтала лишь о том, чтобы шум прекратился. Учителя яростно жестикулировали, пытаясь успокоить детей.

По правую сторону раздался вопль. Школьники расступились, и Марина увидела, как два парня тащат под руки уже знакомую ей десятиклассницу. Голова блондинки была задрана, длинные волосы волочились по паркету. Её обмякшее тело прислонили к шведской стенке. Молодая преподавательница английского языка вылила себе на руку воду из пластиковой бутылки и стала обрызгивать лицо девушки, слившееся с пепельными прядями. Несколько мальчиков лет двенадцати побежали за медсестрой.

— Вся наша школа мыслями сейчас с близкими погибших. Давайте почтим их память минутой молчания, — скрывшись за исписанной бумажкой, выпалила директор, и все разом посмотрели в её сторону.

Недоумение застыло на сотнях лиц. Марина заплакала.

События в школе на севере Москвы были не столько о прошедшей трагедии, сколько о будущем учениц, присутствующих в физкультурном зале. Поколениями родители пытались уберечь детей от информации, опасной для неокрепшей психики, но вступившие в юность мальчики и девочки похожи на только прозревших несдержанных щенят: они по запаху находят непотребства. Для всех подростков, а точнее молодых девушек, речь директора означала лишь одно — вероятность их скорой смерти стремительно растёт.

Новость о массовом убийстве женщин сотрясала мир каждые четыре года. Этот теракт, как его классифицировали власти, и всё, что связано с ним, прозвали «Двадцать четыре» — по неизменной численности погибших. Каждый раз события развивались одинаково: ближе к ночи люди с выкатившимися от ужаса глазами выбегали из здания и неслись оттуда прочь, словно их преследовал сам дьявол. Первое, о чем они рассказывали повстречавшимся незнакомцам, — это горы изуродованных трупов, разбросанных по коридорам и кабинетам. К приходу полицейских уже окоченевшие двадцать четыре тела лежали в озерах из собственной крови. Вид классической жертвы громкого нападения ужасал даже опытных криминалистов: на первый взгляд, из женщины будто зубами выдирали конечности и плоть, а затем умерщвленную и обкусанную её бросали на пол, как наскучивший яблочный огрызок. Кусочки органов вываливались из зияющей дыры, а на посеревших губах читался страшный крик и мольбы о помощи. Разглядывая снимки с первых газетных полос, читатели делали самое простое предположение — рваные раны нанесены обезумевшим животным, изголодавшимся хищником с огромной пастью и острыми клыками. Но версию эту опровергала одна непреложная истина — зверь, живущий инстинктами, не способен на систему.

Первый теракт — 1964 год, женский монастырь в Сибири. Второй — 1968-й, факультет филологии одного из московских университетов. Третий — 1972-й, берлинская медицинская школа. Кровавое пролитие случалось стабильно каждые четыре года, но в разные даты и даже месяцы, так что ни одна семья не могла предположить, в какой день или хотя бы сезон к ним в дом принесут весть о гибели любимой дочери. Место каждого последующего налёта не имело связи с предыдущим, но выбранную локацию всегда отличало одно — численное преобладание женщин над мужчинами. Это мог быть как излюбленный молодыми абитуриентками литературный институт, так и европейский пансион для девушек. Национальность и специальность потенциальных жертв исполнители теракта в расчет не брали, одно лишь интересовало их остро — возраст цели. Изредка в паспорте погибшей значилась цифра больше 35 и даже в таком случае скорбящие отмечали, что при жизни она выглядела моложе своих лет.

Теракт этот был настолько ужасен в своем исполнении, что моментальная смерть считалась манной небесной для тех, кто оказался в гуще событий. Высшая мера наказания в преисподней «Двадцати четырех» отводилась лишь одной женщине — Мученице, как её прозвали в народе. Она последней из жертв испускала дух, но перед этим нападавшие вдоволь издевались над ней, ломали и терзали её тело в агонии группового изнасилования. Серьезные генитальные повреждения, переломанные кости, порванные суставы — это лишь те сведения из медицинского освидетельствования, которые всплывали в СМИ. Страдания, предшествовавшие концу Мученицы, возвышали её в глазах ныне живущих. За упокой её души молились всем миром. Слезы на оплакивание девушки находились даже у тех, кто горевал по собственным детям, канувшим в той же трагедии.

В 80-е волны скорбящих уральцев стекались к мемориалу Мученицы с охапками белых роз. Молочные лепестки и зеленые стебли переплетались вокруг фотографии погибшей, будто она лежала у подножия альпийского Монблана среди сочной травы и сияющего снега. Безмолвно и единодушно мир решил, что именно такой чистой красоты достойна женщина, чья душа и тело были искалечены при жизни. Так упоминание Мученицы больше не наводило ужас. Она стала символом нежности и заботы; колыбелью, приютившей всех уснувших навеки двадцати четырех. Страдалицей, взявшей на себя боль рокового дня.

Глава 1

Марина увидела свой первый и последний диафильм в детском саду. Воспитатель случайно наткнулась на фильмоскоп, когда искала костюм вьюги для новогоднего утренника. И так как женщина эта была увлеченная и странная (в нужной мере для общения с дошколятами), долгие годы пылившийся в подвале аппарат обрел новую, пускай и краткосрочную жизнь.

После полдника дети уселись полукругом на мягкий ковер, воспитатель легким движением руки погрузила в проектор киноплёнку, а нянечка выключила свет. В тот вечер Марину очаровал не столько сам сюжет диафильма, сколько коробочка, источающая волшебное сияние. С открытым ртом девочка вылавливала каждую искрящуюся пылинку в туннеле света. Будто чувствовала, что магия покинет проектор вместе с последним кадром детсадовской сказки.

— Ты где? — крикнула Марина.

Яркий луч проектора слепил её, а услышать знакомый голос в гомоне однокурсников было просто невозможно. Марина нашла подругу в эпицентре сложной конструкции из студентов и парт, где ровесники, взобравшись на столешницы и спинки стульев, разве что не сидели друг у друга на головах. Как механическое сердце тарахтящей машины, посреди балагана хлопотала от злости Вера Ким — третьекурсница, учащаяся главного в стране факультета журналистики и названная сестра Марины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.